

САНДЖАР ЖЫШЕВ / ПЕРЕВЕРНУТЬ
В ПАРАДОКСАЛЬНОЕ / ВЛАДИМИР БУЕВ
книга стихотворений

18+

**Владимир Був
Санджар Янышев**

Перевернуть в парадоксальное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70303972

SelfPub; 2024

Аннотация

Сам автор называет свои тексты пародиями, но это скорее рефлексия на чужие стихи. И она вполне оправдана. Топливо, которое приводит в движение механизм создания нового стихотворения, есть ни что иное, как поэтическая энергия. И Владимир Був, являясь своего рода творческим индикатором, своими откликами на отдельного автора безошибочно указывает — в этом источнике она есть.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ОТ АВТОРА	6
СТИХИ И ПАРОДИИ/ОТКЛИКИ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Буев, Санджар Янышев Перевернуть в парадоксальное ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Буев появился в литературных салонах Москвы несколько лет назад – посещал презентации, творческие вечера, круглые столы. Он работает в сфере предпринимательства и финансов, поэзией ранее не интересовался, но внезапно, слушая стихи современных поэтов, ощутил в себе потребность откликаться на их произведения собственными стихами.

Сам он называет свои тексты пародиями, но это скорее рефлексия на чужие стихи. И она вполне оправдана. Топливо, которое приводит в движение механизм создания нового стихотворения, есть ни что иное, как поэтическая энергия. И Владимир Буев, являясь своего рода творческим индикатором, своими откликами на отдельного автора безошибочно указывает – в этом источнике она есть.

Современное литературное сообщество сегодня испыты-

вает большой кризис – авторы лишены читательского внимания, рецензий на свои книги, критических и литературоведческих замечаний. И потому такие активные читатели, как Владимир Бувев, сегодня на вес золота. За несколько лет пристального внимания к современной поэзии Владимир Бувев опубликовал свои подборки в «Литературной газете», «Литературной России», газете «Истоки», журналах «Вторник», «ЛитеRRa Nova», «Камертон», на электронных порталах «Articulationproject.net» и «Textura.club», в альманахах «Vita» и «Ликбез». А откликов на любимых поэтов хватило на полноценный сборник. Эта книга – своего рода эксперимент, новая форма рефлексии нелитературного человека на литературное произведение.

ОТ АВТОРА

Всего несколько лет назад случилось маленькое предновогоднее чудо. До боя кремлёвских курантов оставалась ещё неделя или полторы, а я уже сидел или лежал на диване перед камином за городом и по совершеннейшей случайности читал стихи студенческого друга Миши Гундарина. Или...

Хотя скорее всего не Миши, а Ани (Ганны) Шевченко. За что-то зацепился, вдохновился – и в голову вдруг полез... назовём это «откликом». Сначала хотел тоже назвать получившийся «творческий продукт» стихами, но, чтобы не задаваться, остановился на определении «пародия». Хотя и пародиями это не называется. Жанр до сих пор определить не могу, поэтому пока называю «ответками», «откликом», «отзвуком», «отблеском» или «перекличкой» (поэтической). Но и... пародиями – в первую очередь. Да-да, а как же иначе (улыбающийся смайлик)?

На стихи Миши Гундарина, а затем и на творчество Ганны Шевченко (вернее, в обратном порядке) за несколько месяцев я написал и частично опубликовал уже много «ответок». С согласия авторов, ибо для пародирования брал оригинальные стихи целиком, а не их отдельные строки. Чтобы не нарушать авторские права, публикуя в связке и полный оригинал, и «пародию», требуется непротивление злу насилием.

Потом случилось ещё одно «маленькое чудо» – на этот раз

далеко постновогоднее.

В библиотеке Чехова, что на Страстном бульваре в Москве, по окончании одного из литературных вечеров с названием «На двоих», на котором читали свои стихи Санджар Янышев и Сергей Золотарёв, спросил у обоих:

– Можно?

Ответ и Санджара, и Сергея был одинаков:

– Можно.

...Этот сборник – как раз то, что получилось у нас с Санджаром. Вернее, у меня на его стихи.

Санджар без преувеличения и тени иронии – один из самых интересных и глубоких современных русскоязычных поэтов. Скажу больше, на мой взгляд, он – ведущий русскоязычный поэт метамодерна, хотя до сих пор никто не дал вменяемого определения, что же такое метамодернизм. Но термин мне нравится. Во-первых, это красиво...

А во-вторых... и тут я категорически не согласен с мнением Владимира Володина, автора практически всех предисловий к моим книжкам. Стихи Санджара прекрасны и с точки зрения их оригинальности, и с точки зрения того, какие глубокие гуманитарные/исторические/филологические пласты (мудрость предшественников: отцов и дедов) в них сокрыты/зашифрованы.

СТИХИ И ПАРОДИИ/ОТКЛИКИ

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Во мне шевелится янтарь
сухих платановых волокон.
И сразу – новая деталь:
гематоген больничных окон,

минтай бескостный, тубус-кварц,
фигурки в пате, как опята,
и собеседник – Розенкранц
ли, Гильденстерн в пижамке мятой —

мне в печень самую проник.
Он рот полощет марганцовкой
и ложкой чайною язык
скребёт, чтобы звончей им цокать.

– Переходи! – хриплю в ответ...
Но чувствую: сейчас наверно
весь этот жёлто-красный цвет
тебе исторгну на колена.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я жемчуг, раковины сын.

Белок, однако, шевелится
во мне. Поймёт ли врач-акын,
что марганцовка не годится?

Минтай пусть ложкой как скребком
из ёмкости достать не сложно,
но жемчуг – проще молотком.
От этой мысли мне тревожно.

Вдруг понимаю, что не врач
передо мной, во мне – не жемчуг.
В палате я, но не палач
передо мной. Кто ж? Проповедник?
То ль из Шекспира собеседник,
а то ль из Стоппарда болтун
то ль мягко перелез поребрик,
а то ль в ребро вонзил перун.

Там, где Шекспир взошёл на сцену,
там пафоса не избежать,
там можно преклонять колена.
...Но на колени – исторгать.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Из книги «Офорты Орфея»

Если мне ребячество позволит
Кольчатый понюхать этот срез —
Бог не выдаст, каланча не взвоят,
Сад не рухнет, саранча не съест...

Вот и ты навек туда вселилась.
Твой прописан в нём воздушный код.
И в какую б сторону ни длились
Время и пространство — мне легко

Повернуть их вспять таким нехитрым
Образом; и сколько бы я впредь
Ни любил — всё тем же хвойным спиртом
Будет воздух меж колец гореть.

И твоя в нём верная, как верба,
Часть — у обонятельных вершин.
Ты во мне так много опровергла.
Только он и неопровержим.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Лишку перебрал. Ну, что ж бывает.
На природе много плюсов есть.
Не в салат лицо моё ныряет,
А в срез дерева, прошу учесть.

С перегаром тяжкое дыханье
Не покроет дымкой оливье.
И пьянящее благоуханье
Спирта затеряется в смолье.

Что случилось? Дерево сломалось?
Сад порушен? И часовню я
Развалил, в ногах чтоб не мешалась?
Весь мой рот заполнила хвоя?

Скоро ты убытки подсчитаешь?
В чём моя вина? Ты в сад пошла —
Я вслед за тобой. Опровергаешь?
Где же ты? Ведь только что была.

Только что двоилось и троилось,
А теперь в пространстве никого.
Время убежало? Ты приснилась?
Хмель своё закончил озорство?

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

И что же стало с человеком?
Он в год не написал два слова.

Про мурашей на штукатурке,
как бы нанизанных на нитку
(вам путь к моим глазам заказан
покамест. Я умру в Рангуне
или на мушьей Танганьике;
туда – уже теперь – начните...);
про птичий сор, и сор из юрты,
и злополучную виньетку...
Про сон увиденный, забытый
и вновь увиденный про волос
в косе, в вагоне, на запястье;
про запах выменной закваски
для роста нан-патыр в духовке,
для жеребёночка, для ножек
и родничка на детской грядке...
И многое ещё такое,
о чём ни «бэ», ни «мэ» – не надо...
Что стало с этим человеком?
Он ходит вверх и вниз, как цапель,
нет – журавель. Он дует, дует
на это выспанное место —
единожды обжегшись, словом...

ВЛАДИМИР БУЕВ

Так что же стало с человеком?
С утра звучал он очень гордо,

И вот те на! Забыл стамеску,
чтоб на доске послать всех в небо.
А были времена крутые,
когда сто раз на дню в высоты
он слал всех тех же, что раньше.
На том за сутки набиралось.
На том и сутки завершались.
Вот был пацан – и вдруг не стало.
Так нет же! Нанижу на нитку!
На штукатурке начертаю!
Стамеску вновь к доске приставлю.
И всё подряд язык мой скажет,
что голова ему прикажет,
что первым в памяти взметнётся.
Рангун и мушью Танганьiku,
и птичий сор, и сор из юрты,
и злополучную виньетку —
всё это в стих мой стройно ляжет.
Или по стойке встанет смирно.
Мои слова всех обжигают,
как раскалённая духовка,
в которой нан-патыр печётся.
...Что случилось с гордым человеком?
Я словом жгу моря и земли.
Я как порок восстал и виждю.
Язык мой грешный, где ты, где ты?

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Снова мои братья дождевые
Вышли на дорогу подышать.
В их подзорные, раздвижные
Лёгкие весь майский купол сжат.

Чем рассвет – забиты виноградом
Поры их жилищ. Чем белый день —
Каждый первый кажется мне братом
Каждому второму из людей.

Путь на электричку. Что мне в малых
Сих? Куда важнее без тебя
Лето, что набрякло, словно манна,
И вот-вот прорвёт купель тепла...

Но: не также ль, выйдя на дорогу,
Выверяю прямоту угла,
Чтоб стрела, вернув себя истоку,
Точка в точку поразить нашла?..

Потому, целуя, – ни настолько
Вот не жмущуюсь, что, живя в упор,

Сам двоякодышащий, а то и
Боле – по числу открытых пор.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Вывожу я на прогулку разом
Полную симметрию свою:
Две ноги, руки две и два глаза,
Две ноздри, два лёгких – все в строю.

Иногда отдельно вывожу я
Лёгкие на воздух подышать:
Руки-ноги (тут я интригую)
Дома остаются полежать.

А бывает: подниму я ногу,
Только собираясь погулять,
Лёгкие выходят на дорогу
Даже без меня пощеголять.

Там уж кучи братьев их любезных,
Правых, левых, собрались на сход.
Купол майский солнечный небесный
Лёгкие весь взяли в оборот.

Ноги – в руки, и вдогонку пульей,
Выверяя прямоту угла.

Дело было летом, да, в июле,
Потому вокруг купель тепла.

То ль за лёгкими лечу без слуха,
То ль за электричкой, как стрела.
Вспоминаю только, что два уха
Не водил с утра под купола.

И стрела моя, вернув к истоку
Тело симметричное моё,
Унесёт со столбовой дороги
Руки-ноги в тесное жильё.

Как двоякодышащий (две ноздри),
Я без лёгких не могу прожить.
Тело в порах: где врачи? медсёстры?
Не дождётесь! Рано хоронить!

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Такие есть слова, чье внутреннее чудо
обходится без букв, лепящихся извне,
которым, дальних тел кровиночку почуя,
бы смыслом подарить, присяжным новизне:

Маслинные глаза, расплеснутое утро...

А сами-то глаза?.. а сумерек бульон?..

Но свет, что льет и льет в запахнутую юрту,
он остается в ней – как шахматы её.

Нет, я мягчу слова – и тенью налитые,
и зноем; что темны, как плод, – а налегке!

Уколешься таким, лимона или дыни
потянешь черенок и – перышко в руке.

В них видишь свой итог – и в них зерно лечёбы
находишь всякий раз, когда, как воск, течёт
окрестная листва... Слова такие – пчёлы.
И кожа. И земля. И дерево. И мёд.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Послушаешь иных – изыскана словесность:
ласкает ухо мат и слово-паразит.

Любезностью ответишь честно на любезность —
кулак твой глаз и нос мгновенно поразит.

Под глазом синячок, кровиночка из носа.
Маслинные глаза, расплюснутый рассвет.
В совхозе я сейчас? Иль на полях колхоза?
Или степной народ из юрты шлёт привет?

С тех пор мягчу Слова, держусь теперь канона,
а чудо для меня – как можно меньше слов,
где нет ни пчёл, ни игл, ни кислого лимона.
В молчании таится золото веков.

Зажму перо в руке. К чему теперь слова?
(И кожа. И земля. И дерево. И мёд).
Все с детства знают их, на ноги встав едва.
...Но не могу молчать, и речь моя течёт.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Ода симметрии. Из книги «Офорты Орфея»

Помнишь, я маятник пел, постигал?..
Время струиться – и время треножиться.
К этим матрёшкам, картам, стихам
ты уже, кажется, не относишься.

Тайные счетоводы земли
волос исчислили, голос измерили.
Из дирижаблевых недр извлекли
корень симметрии.

Мир равновесием сбит, укреплён,
словно плотина бобровым цветением.

Руки и ноги, как стержни времён,
равно от солнечного сплетения

удалены; и в количестве двух —
трон лицемерия, дёрн лицемерия.
Эта строфа, её буква и дух —
имя симметрии.

Что ж, и твой берег (прости и спаси!),
беличье, самочье в хвое и цинне,
власть бурых крапин в царстве росы —
тоже на попечение Цифре?..

Поздно. В мой разочарованный Сад
вышло бесформенное, бессмертное
небо – отверстое тысячью крат
эхо симметрии.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Гимн всему

Помнишь? Тебе всё казалось, я ел
Маятник (мол, всё жевал да жевал).
Я между тем этот маятник пел
Иль подпевал ему – мир постигал.

Корень ли это в лексеме «симметрия»

(Чтобы морфемным разбором утешиться)
Корня ль симметрия в тригонометрии —
Сущность не всякому глазу прорежется.

Буквы, слова — всё теперь неземное.
Строфами, цифрами в дупель упиться.
Но закулисье потом мировое
Эхом симметрий не даст насладиться.

То дирижабль прилетит, то из недр
Вырвется бобр, плотиной побитый.
То руки-ноги порубят, как кедры,
То вдруг появится мастер маститый.

Тот, кто по тронам и дёрнам искусник,
Пишущий код на раз-два виртуозник.
Цифра рулит — всем пророкам союзник.
Для виртуозника нужен колхозник.

Вот он, баланс, вот симметрия в жизни.
Если есть Сад, то и саду есть место.
Карты, стихи и матрёшки сюрпризы.
Небо и космос — и тут палимпсесты.

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Два утешения

Гори, моя листва. Бежи в тупик, строка.
Тебе, увы, не всё едино, чья рука.
Терпи, совсем не боль. И лучшая финаль:
Когда опять пуста, когда чиста скрижаль.

Ведь на худой конец — сколь ни были темны —
Вот этот тёмный лес, вот эту Книгу мы
В таком порядке честь сумеем — и хранить, —
Какой запечатлён на уголках страниц.

Ведь цифра нас ведёт логических загад —
Верней, чем эхолот. Смиренней, чем талант.
И нет у этих тел иных, чем эти, душ.
А ты всю жизнь был тем, к чему всю жизнь идёшь.

ВЛАДИМИР БУЕВ

О счастье

Как было б хорошо, когда бы поутру
Пришла на ум строка, вдруг вылившись в строфу!
Но вот скрижал пустой (истории анналь).
Чем резче боль, тем чище и светлей печаль.

Страницам тёмных книг потребно отдавать
Заслуженную честь. Прелестниц убеждать
И офицеров – все страницы книг прочесть
(Страниц пусть даже по порядку там не счесть).

Уж если цифирить, то и нумеровать.
Ведь смысл в тебе такой, какой сумел впитать.
Проснулся поутру – строка легла в строфу.
Скрижал, анналь, финаль рядком стоят в шкафу.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

но эта сложность вдруг наверное
становится благоволением
к такому существу в ком энное
оказывается – последнее

к такому свету чьё создание
любому языку – обратное
как мы меняем состояние
из птичьего в листообразное

ВЛАДИМИР БУЕВ

святая простота в конечности

знак бесконечность – просветление
порывы оказаться в вечности
похвальны как пустое рвение

перевернуть в парадоксальное
летать и ползать – всё единое
метаморфозы – то нормальное
из соколиного в ужиное.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Цвета. Рыжий. Из книги «Офорты Орфея»

Мне нужно выговориться – вот что.
По направлению к красному. Осени, октябрю.
Причём, любому – в Ташкенте, Болдине, Вокше.
Ведь цвет важней, чем то, что я говорю.

Мне нет пути к пылающим мачтам, крышам
Лиссабона, кошенильной Флоренции, облакам
черепичной Праги – и днём не упиться рыжим,
не выжать с волос, не выстлать к твоим ногам.

Но есть (клянусь!) в тебе самой это чудо;
точнее, его предчувство – шиповник и склон
в разломах магмы. К примеру, внутри ночуя

у Вяза, не листьями дышишь – корой, как и он

сжимался тому лет... в детстве. И через кожу
гранатовый мозг сочится (или рассвет?).

Так вот, а теперь зажмурься, сомняся ничтоже —
ты это дерево.

Внутри тебя этот цвет.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Кострами развиваясь красными,
пожухлая в осенний октябрь расцвела листва.
Связь цвета с городом – аллюзии бессвязные
на первый взгляд. А на второй – слова

звучат и пишутся лишь те, что лезут в выси
и к старине Европы, но лишь южной, где есть солнце.
Ну, в крайнем случае срединной (куда по визе).
В Европу прорублю всё равно оконце!

Там столько есть деревьев с цветом красного
(в Европе мне нет другой причины побывать).
Ещё там магма есть: Помпеи безопасные.
Здесь можно полежать и о свободе помечтать.

А, впрочем, Вокша, Москва и Ташкент
и даже Болдино сумеют покраснеть, когда

я лягу там под деревом любим: эксперимент
чтоб ты из древа вытекла цветом, а не вода.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Мне бы лёгкости взять для восхода —
Не у бабочки и самолёта,
Не в листе выходного дня,
А в твоём основанье, Природа,
В тёмном царстве, где нет огня,
Где ни воздуха, ни меня...

Только тут и простор для веры —
Я хочу быть понятым верно —
Только тут и гнездится бог-
Экстраверт: между мной и прошлым,
Сном и памятью, меньшим – большим,
Кем угодно – самим собой.

Я хочу быть понятым. Точка.
На хрена мне другая боль?
Время есть во все стороны то, что
Разбегается из одной
Тьмы-потьмы. Вот на сём и встану,
Прикормив губам своим стаю

Новых звуков, листвы иной,
Точно вёшенка, обрастая
Выраженьем икры земной...
Ни мечты, ни вины, ни скорби —
Лишь змея в запаянной колбе,
Как молчания перегной.

ВЛАДИМИР БУЕВ

О, Природа, ты вакуум-Тартар,
Где нет воздуха, мрак где в стандарте.
Все титаны внутри тебя
Каждый день начинают с фальстарта,
С воем в медные двери долбя
И в детей своих матом лепя.

Этот Тартар – под царством Аида.
Кто попался, о том панихиду
Можно спеть. Помолившись, забыть,
Пусть там Боги живые, их много.
И все вместе есть я – эпилога
Нет во мне, как и нету пролога.

Больно всем. И титанам не меньше.
Больше! Боги они из древнейших.
И они, повторяюсь, – это я.

Бездна мрака – как тень некролога.
Сон иль явь? День иль ночь? Безнадёга.
Боль лицо моё делает строгим.

Замолчать, перегнивши змеёй?
Запаяться ли в колбе со спиртом
(Вдруг получше там, чем под землёй)?
В декаданс ли пуститься по треку,
Что Серебряным прозван был веком?
...Иль над миром встать новой зарёй?

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Мой слог, мой голос, воспалённый
язык – последний мой причал!
Родных наречий отлучённый,
внимаю собственным речам.

Тот свет, который населён был
мною, словно шорохом – сквозняк, —
так будто выпавшая пломба,
теперь отделен от меня.

И боль, что медная кольчуга,
уже не давит сердце мне,

оббивши тело, словно чудо,
разлитое по всей земле.

И чем ты дальше, тем разменней
твои стихийные черты...

Но застрахована от тленья
душа, и в той же мере — ты.

.....

А нить, что связывала прежде
мой сон с пучком твоей зари,
теперь на чьей-нибудь одежде,
как волос в лампочке, горит.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я перед зеркалом оратор:
рука — вперёд к грядущим снам.
Я Ленин, я и литератор —
внимаю собственным речам.

Язык мой мне не враг заклятый.
Язык в обоих смыслах слов.
Не вырвет супостат мохнатый
язык из двух рядов зубов.

Какая речь! Какие перья!
Осанка какова! Носок!

Да не носок, что перед дверью,
а на лице, как и роток.

А что за голос! Просто диво!
Я речь толкаю – я рублю!
Вдруг море вздуется бурливо,
чтоб поклониться королю.

О чём бишь я? Да я люблю же!
Не самого себя – тебя!
Ты зорька алая на суше,
я в море прыгнул, затупя.

Она молила и просила,
подстраховаться мне пришлось,
ведь ты меня всегда гасила,
я и пошёл слегка вразнос.

.....

Ты уличила. Героиня!
я повинился, ты – душа!
Бессмертна всякая Богиня,
но мне не надо шалаша.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Tet-a-tet. Из «Сюиты для голоса и слуха»

Женщина спит, ей положено спать.

Мы на доске расставляем фигуры.

Чай адмиральский, коньяк и сигары.

Женщина спит, ей положено спать.

В каждом из нас жил точильщик ножей.

Мы не любили его, и отныне

мы влюблены в эти штучки резные.

Мы влюблены, мы не точим ножей.

Мы истребили все до одного

дни. Мы от альфы прошли до омеги.

Женщина сквозь непрозрачные веки

Ждёт одного из нас. Ждёт одного.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Терпение

Женщина то ли молчит, то ли спит.

Ей так положено, ей там и место.

И феминизма дурным манифестам

Выдан Востоком не будет кредит.

Шахматы – Индия, позже – Иран.

Позже – арабы. Всё это Восток.

Женщина знает её уголок,

Если к супругу явился дружбан.

В шахматы если играют они
Где-то вне дома в пространстве чужом,
Тоже сидеть на диване тишком
Женщине следует, как ни крути.

Ждать своего мужика-игрока
И обсуждателя дел мировых —
То же, что мешкать у рифов морских
С верой в погоду как в дар шутника.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Город в пустыне

Я распознал тебя: однажды
торговым рядом
ты стрекотал, как язва, нажит,
как сум, припрятан
в невытрясаемых пожитках,
узлах и тарах
восточной женщины... Скажи-ка:
а ведь недаром
вагон бубнил мне, что подстрочник:
ночь, Кызылкумы... —

О том, как пучит позвоночник
в пути твой кумыс.

Ты подстерёг меня, чтоб, выйдя
со сна в твой облак,
я сверил, как степной Овидий,
с пустыней область
парного дня, земных потужий
конечный логос:
там, в вышних волостях, где лужи
берут в свой locus
гусиным смазанный, как пристань,
стручковый перец, —
уже ошипанный, расхристан
археоптерикс.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Город-красавец

Наверно, город Учкудуком
такой зовётся.
Там нету римских акведуков —
есть три колодца.
И Кызылкумы – Учкудука
верный признак.
Забыть попробуй песню, ну-ка,
про город-призрак.

Про град, который средь пустыни
возник в Союзе

Про град-красавец, что стал витриной
и данью музе.

Про город сказок, пустых иллюзий,
советских мифов.

Про град сегодняшних аллюзий
и Сизифов.

Возникший город удивил
саму природу.

Я, как Овидий, граду мил
и в непогоду.

А что на самом деле город
представляет?

Ураном с золотом поборот.
Умирает.

С генетикой бороться
сил не хватит.

Пока уран как солнце,
всё прокатит.

...И тут выходит вся в узлах
звезда востока:

к свободной женщине в песках
судьба жестока.

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

В конце концов, у нас ведь есть
часть завтрашнего дня.

Рассвет, помноженный на тень
колен и интервалов.

И тишина, и глубина
и птичья мельтешня
на антресолях, чай, нават
и миндаля навалом.

В конце концов, мы из пыльцы
египетских камен
меж рам оконных – новый сорт
сообразим варенья;
сольём вино ослиных пасх,
ром греческих календ.
Глядишь, к полудню будет нам
ещё одно время.

В конце концов, и я не здесь,
и ты ложишься в дрейф,
и кровь по-новому звучать
воспитывает мышцу.

Но до четвёртых петухов
у луковиц дерев
я книгу роц твоих ношу,
как ртуть, подмышкой.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Есть всё у нас. Мы даже
четверть суток припасли,
Колени чтоб не знали
ни пустот, ни интервалов.
А, время сжав, границы сдвинув,
мы приобрели
рассвет с обедом и
убережемся от авралов.

А почему? Пыльца мы,
а не пыль царей времён
столь древних, что в тумане факт:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.